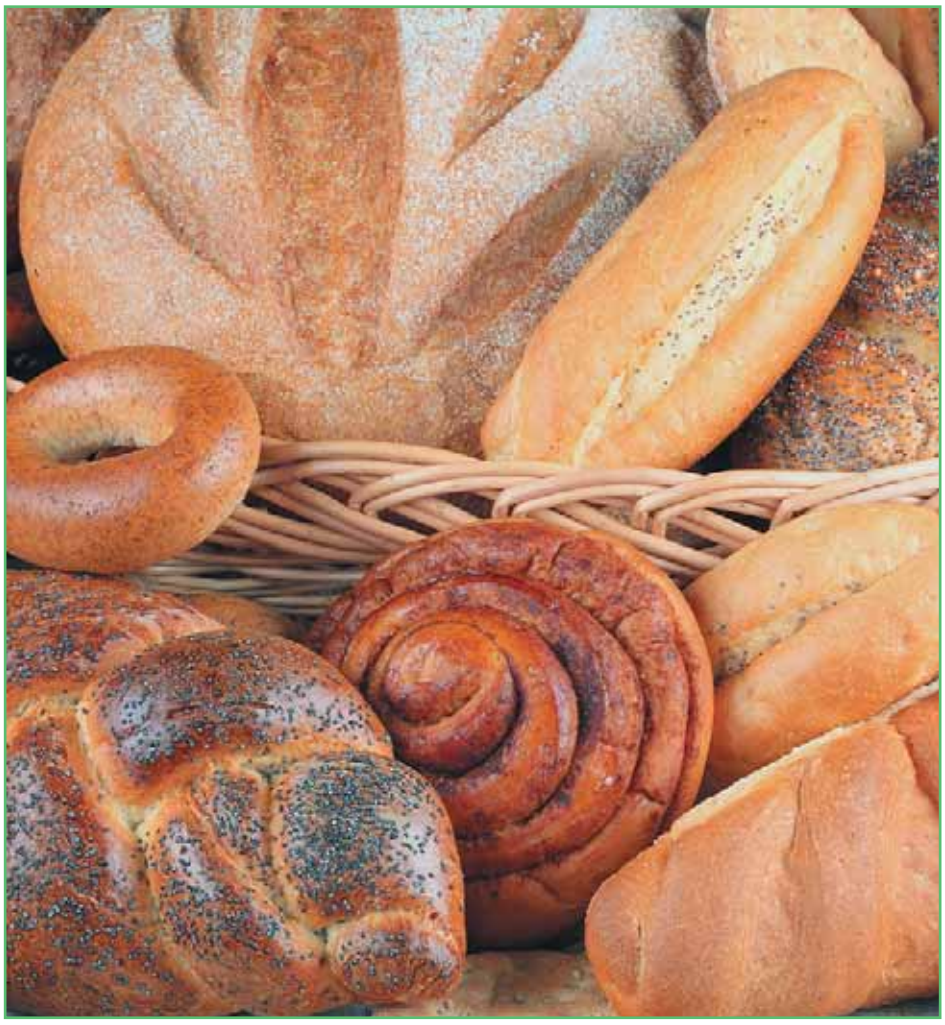
Не останется ли Россия без хлеба?

В ноябре 2012 года в Москве прошел круглый стол на тему «Кто подстегивает «хлебную» инфляцию в России». В дискуссии приняли участие:

- **Аркадий Гуревич, председатель правления Российского союза мукомольных и крупяных предприятий;**
- **Ирина Епифанова, заместитель начальника управления контроля химической промышленности и агропромкомплекса ФАС России;**
- **Василий Молодых, Российский союз пекарей;**
- **Алена Сабатарова, председатель правления Союза производителей хлеба Московской области;**
- **Сергей Щедрин, председатель совета директоров ОАО «КБК «Черемушки».**

Публикуем наиболее интересные фрагменты обсуждения проблем производства зерна в России, мукомольной и хлебопекарной отрасли.



Рост цен на зерно – впереди всех

И. Епифанова:

– Меня, как представителя государственного органа, заботит такая роль государства, как защита незащищенных слоев населения, в том числе в результате повышения цен на хлеб. Хлеб у нас – основной социально значимый продукт, товар, который обладает неэластичным спросом, то есть в результате повышения цены, по многолетним наблюдениям, физически объем потребления хлеба не снижается. И по данным наших территориальных органов, примерно 20–22% в минимальной потребительской корзине занимает стоимость хлеба и хлебобулочных изделий. Поэтому ФАС России проводит мониторинг цен по всей цепочке продовольствия – начиная от зерна и заканчивая розничной продажей хлеба. По результатам мониторинга за III квартал мы наблюдаем значительный рост цен в первую очередь на муку, от чего зависит рост цен на хлеб. А рост цен на муку в свою очередь связан с ростом цен на зерно, который сейчас происходит. Причем следует отметить, что рост цен на зерно превышает рост цен на муку, а рост цен на муку превышает рост цен на хлеб. Я могу привести конкретные цифры. По нашим данным, рост отпускных закупочных цен на муку первого сорта зафиксирован, к примеру, в Омской области. Так вот, по данным министерства сельского хозяйства и продовольствия этого региона, закупочная цена на зерно пшеницы на 10 октября 2012 года составляла 8,4–8,9 тыс. руб. за тонну, тогда как на соответствующую дату 2011 года – 4–4,3 тыс. руб., то есть рост более чем в два раза. При этом рост цен на муку составил до 80%.

Индустриальное мукомолье в России обречено на смерть

А. Гуревич:

– Я хотел бы обратить внимание на то, что производство муки – это специфическое производство, но в котором все ясно и просто. Потому что ничего, кроме зерна, в составе муки нет. Поэтому в себестоимости муки доля зерна составляет 85%, 15% – это прочие затраты, в том числе 3–4% – зарплата. Сказать, что кто-то жирует, нельзя.

Уже сейчас примерно до половины муки в России производится неизвестно где и неизвестно кем, но известно, что из абсолютно непригодного для мукомольных целей зерна.

Последние три года индустриальные мукомольные предприятия работали с убытком до 2 тыс. руб. на тонне муки. Это проверенный факт. Спрашивают: «А как же так, почему они работают?» Так уже основные индустриальные заводы по всему Поволжью со 150–170-летней историей позакрывались. Там прекрасные здания, в них уже давно никакого мельничного оборудования нет – там офисные, развлекательные, торговые центры и т.д. В Москве закрыто три мукомольных комбината, укомплектованных самым передовым швейцарским оборудованием. Были крупнейшими в Европе, перерабатывали 2 тыс. т зерна в сутки. Почему закрылись? Да убыточные они! Очень тяжелое дело – добыть зерно, найти для этого деньги: предприятия кредитуются, перекредитовываются, потом отдают эту муку пекарям, те выпекают хлеб, с ними плохо рассчитываются – и так по цепочке. Расчеты за муку тянутся зачастую по три-четыре месяца. Поэтому бизнес совсем невыгодный. А как же они выживают? Только за счет диверсификации производства. Я никого не пугаю, но говорю: индустриальное мукомолье в России обречено на смерть. А что же будет? Уже сейчас примерно до половины муки в России производится неизвестно где и неизвестно кем (на самом деле мы, конечно, знаем, кем), но известно, что из абсолютно непригодного для мукомольных целей зерна. Кругом понастроили мини-мельниц, которые сами по себе ничего собой не представляют. Мельница – это ведь не просто станок для размола. Мельница – это набор сложнейшего технологического оборудования.

В России к 1990 году было 385 мельниц, вырабатывали они 18 млн тонн муки, качество которой, вне всяких сомнений, контролировалось. Сейчас в России более 7 тыс. мельниц, но под какими кустами они расположены, это никто не контролирует. В отличие от всех цивилизованных стран мира, ввод мукомольных производственных мощностей в России не регулируется – кто хочет, где хочет, там и поставит мельницу. К сожалению, в большинстве своем такие бизнесмены «крышуются» и к ним не подступишься. Поэтому никакие контролирующие органы их не проверяют и не собираются проверять, потому что это зачастую небезопасно. Но страшно то, что эти мельницы производят практически отраву.

Мы не против мини-мельниц. Но мельница должна быть оснащена лабораторным оборудованием, должны быть специально обученные лаборанты, которые должны обеспечивать входной контроль качества зерна и выходной контроль качества муки. Когда идет производство муки на мельницах, лаборанты в течение часа четыре-пять раз берут пробы с потоков и проверяют, что они вырабатывают. Только тогда мука может называться мукой. Вы спросите в Институте питания: с чем больше всего россиянин получает витаминов и микроэлементов? С хлебушком насущным. А если там зараза? Вот вам анемии, вот вам бесплодие и так далее. А мы говорим: «У нас программа народосбережения». Да я уже сто раз писал и одному президенту, и второму, и опять вернулся этот президент, а мы с утра до вечера пишем: давайте хотя бы сформулируем новые правила организации технологического процесса на мельницах, выделите на это какие-то деньги или хотя бы проявите политическую волю – мы сами соберем деньги с бизнес-сообщества. Надо отсечь тех, кто нелегально вбрасывает на рынок заразу под видом муки. Но нам даже не отвечают! Почему? Потому что в Министерстве сельского хозяйства России есть департамент пищевой и перерабатывающей промышленности, в компетенцию которого теперь входит еще и рыба. Но в этом большом департаменте есть один человек, который курирует все мукомольные предприятия России. А этот человек, будь он хоть семи пядей во лбу, не в состоянии это сделать. Хоть десять академиков поставь на его место, результат будет тот же. Да, мы идем новым путем – путем развития капиталистической экономики. Но Россия еще не готова к тому, чтобы полностью отказаться от отраслевых принципов управления. И мы настаиваем: надо в рамках действующих схем государственного управления создавать при Минсельхозе агентство по пищевой и перерабатывающей промышленности, которое будет хотя бы считать количество мельниц.

Сейчас государство впервые за многие годы утвердило программу развития сельского хозяйства, пищевых и перерабатывающих отраслей. Замеча- ➔

В России, по данным Росстата, производится менее 10 млн тонн муки. Если пересчитать на все население России, то получится, что мы едим хлеба, хлебобулочных, макаронных, мучных и кондитерских изделий в полтора раза меньше, чем французы. Но французы при этом едят по 105 кг мяса в год, а россияне – 60 кг. Чем мы вынуждены пополнять наш продовольственный баланс? Хлебом! И на самом деле в России производят не 10, а 16 млн тонн муки, как и производили всю жизнь.

тельно. Но для того, чтобы этой программой руководствоваться, нужно знать, что развивать. Но никто ничего не знает. В России, по данным Росстата, производится менее 10 млн тонн муки. Если пересчитать на все население России, то получится, что мы едим хлеба, хлебобулочных, макаронных, мучных и кондитерских изделий в полтора раза меньше, чем французы. Но французы при этом едят по 105 кг мяса в год, а россияне – 60 кг. Чем мы вынуждены пополнять наш продовольственный баланс? Хлебом! И на самом деле в России производят не 10, а 16 млн тонн муки, как и производили всю жизнь. Но что это за мука и какого она качества – никто не знает.

Нужно все время долбить в одну точку: мы должны обеспечивать население качественным хлебом. Хлебопеки – они замечательные, они пекут хороший хлеб, у них золотые руки. Но из дерьма, извините за выражение, они ничего качественного сделать не могут. А в этом проблема, на которую никто не обращает внимания. Более того, мы написали в Минсельхоз: давайте вернемся к интенсивной технологии производства зерна. У нас же есть такое понятие, как сильные и ценные сорта пшеницы. Но спросите кого-нибудь, кроме представителей нашего поколения, – теперь этих терминов не употребляет никто. Как будто не стало ценных и сильных сортов. А как можно сделать качественную муку без сильных и ценных сортов пшеницы? А никак. Но вся такая пшеница с прекрасными хлебопекарными качествами со свистом уходит на экспорт. Ни одной тонны зерна за последние 5 лет с Северного Кавказа, из житницы, где производится зерно самого хорошего хлебопекарного качества, в Москву не поступило, оно все идет на экспорт.

Каких ждать цен на хлеб?

А. Сабатарова:

– С начала 2012 года существенно выросли затраты на производство хлеба. В первую очередь повышение затрат связано с ростом закупочных цен на основное сырье – муку. Повышение цен в Московской области произошло более чем на 70%. Увеличились затраты на электроэнергию, газ. В Подмосковье сохраняется достаточно низкий уровень заработной платы в хлебопекарной отрасли – ниже средней зарплаты по

области, где-то 25 тыс. руб. в месяц. Поэтому, чтобы закрепить кадры, мы вынуждены повышать заработную плату своим работникам. Таким образом, повышение цены на батон нарезной развесом 380 г с начала года составило более 16%, или на 1 руб. 85 коп. при себестоимости 14 руб. 6 коп. И если вы на полке супермаркета большой торговой сети увидите батон нарезной по цене 7 руб. 20 коп., то знайте, что торговля идет с большим убытком.

С. Щедрин:

– Москва от Московской области недалеко ушла в этом плане, за исключением, может быть, зарплатной составляющей. У нас себестоимость хлеба складывается по тем же законам и с тем же повышательным трендом. Цена будет однозначно расти. У нас все затраты схожи с затратами, скажем, германских производителей, потому что мы работаем на европейском оборудовании, на муке, которая по цене вполне уже европейская. У нас большое количество ингредиентов тоже имеет цену того рынка, а не нашего. Цены на энергоресурсы у нас по некоторым параметрам уже выше, чем европейские. Но чудес не бывает: через пять лет мы за счет тех, кто нас досрочно покинет и обанкротится, все-таки выйдем на уровень цен, который будет отличаться от сегодняшних, думаю, раза в два в сторону, конечно, повышения.

А. Гуревич:

– Цены формируются в совершенно определенном порядке, и никуда от этого не деться. Я уже сказал, что в себестоимости муки – повторяю: не в цене, а в себестоимости! – стоимость зерна составляет около 85%. В стоимости печеного хлеба массовых сортов стоимость муки составляет уже 30–35%, потому что добавляется еще куча других ингредиентов. И тогда все просто считается. Зерно с начала года подорожало на 70%. Значит, мука в среднем должна подорожать на 60%, хлеб – минимум на 18%, и это только из-за роста цен на зерно. А ведь есть еще другие факторы – и другое сырье дорожает, и электроэнергия. В Германии (а немцы хлеба потребляют, как положено) цена хлеба в пять раз выше, чем в России в розничной сети.

В. Молодых:

– Мы считаем, что нельзя ограничивать цену на хлеб. Во-первых, это противоестественно. А во-вторых, сейчас в магазинах появился хлеб по настолько заниженной цене, что им уже начали кормить скот, как когда-то в советское время.

Если не изменить ситуацию в хлебопечении, в мукомолье, то мы потеряем промышленность, мы потеряем современные заводы. На наши предприятия приезжали масса зарубежных специалистов, учились у нас. 10 лет назад я имел честь руководить хлебозаводом имени В. Зотова. Это прекрасное предприятие 1931 года рождения, завод высокой степени механизации и автоматизации производства, который работал на оригинальном оборудовании.

Если мы будем опять возвращаться к теме занижения цены на хлеб, через небольшой период времени будем говорить: а где купить хлеб?

Сейчас предприятие пока поддерживается за счет тех небольших средств, которое оно имеет. У нас пока еще существуют специалисты. Но это не бесконечно. Если мы будем опять возвращаться к теме занижения цены на хлеб, я боюсь, через небольшой период времени будем говорить: а где купить хлеб?

А. Сабатарова:

– 2011 год треть хлебопекарных предприятий Московской области завершили с убытком. Но многие предприятия сейчас не показывают убытки, потому что они вынуждены кредитоваться в банках. Но если проанализировать структуру их баланса – она неудовлетворительная, это любой специалист может определить. Мы говорим давно, что ситуация непростая, что отрасль на грани банкротства. Но 2011 год был более стабильным для отрасли. Сейчас ситуация еще больше ужесточилась. Поэтому наши прогнозы неутешительные.

И. Епифанова:

– Я бы хотела предостеречь коллег, которые присутствуют здесь или слушают нас, от ужасающих прогнозов о том, что цена повысится в два, три раза. Потому что наши прогнозы оказывают влияние на рынок и некоторые стремятся воспользоваться этим в спекулятивных целях. Думаю, что целью нашего обсуждения должна стать не только констатация факта, но и предложения – что нужно делать. С точки зрения государственных органов могу сказать, что, конечно, Минсельхоз должен совершенствовать механизм проведения государственных закупочных товарных интервенций, использовать эффективный механизм субсидий, которые предусмотрены государственной программой. Минэкономразвития должно оперативно реагировать путем применения мер таможенно-тарифного регулирования, поддержки малого бизнеса на селе – это что касается зерна. ФАС должна контролировать и пресекать факты необоснованного роста цен. А государство в целом, включая местные органы власти, должно каким-то образом в такой ситуации оказывать адресную поддержку незащищенным слоям населения. Ведь у нас есть очень хорошие примеры такой поддержки, например, в Белгородской области. В Центральном федеральном округе (ЦФО) в Белгородской области самые низкие цены на хлеб, что во многом связано с деятельностью местных органов власти, которые предоставляют субсидии производителям хлеба. Поэтому мы с удовольствием выслушали бы предложения бизнеса по этому поводу.

В. Молодых:

– У нас ежегодно проходят съезды, конференции, международная выставка «Современное хлебопечение» с конференциями и обсуждениями различных проблем. Материалы этих мероприятий направляются во все органы государственной власти. Мы пишем письма, сигнализируем о сложностях, с которыми сталкиваются пекари России. Но пока, к сожалению, ощутимой помощи мы не видим.

Есть ли сговор?

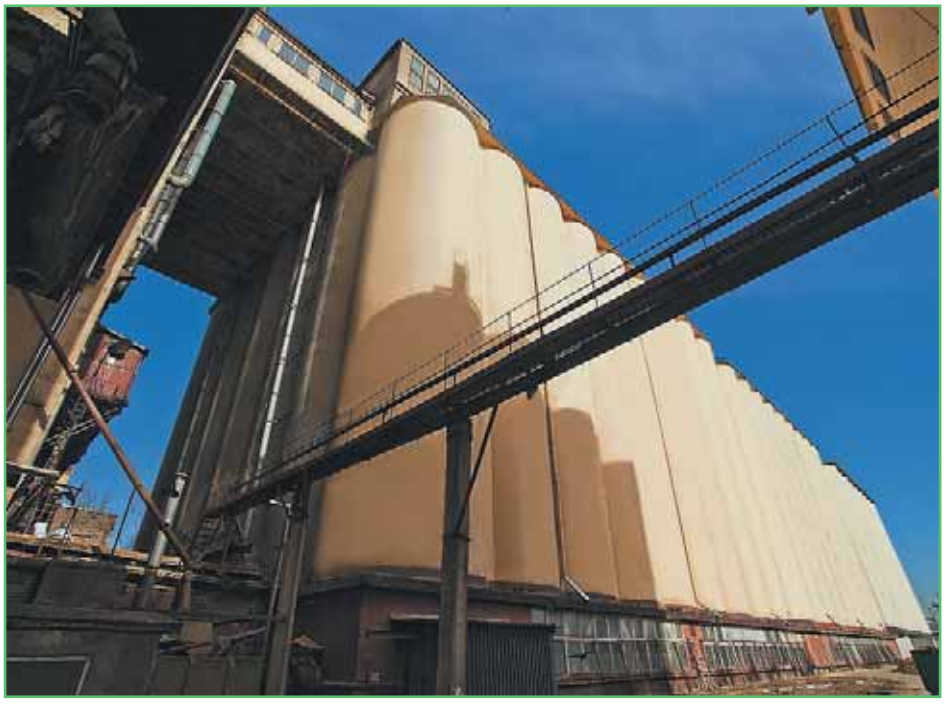
И. Епифанова:

– Я уже говорила о том, что мы на постоянной основе проводим мониторинг рынка социально значимых товаров, куда включаются и мука, и хлеб, и подсолнечное масло, и сахар, и это проводится силами наших территориальных органов, которых у нас 82, в каждом субъекте РФ. И при анализе этих данных, когда мы видим, что предприятие злоупотребляет доминирующим положением, есть признаки сговора или каких-то других согласованных действий, то возбуждаются дела.

В качестве примера: совсем недавно наше Ставропольское УФАС выиграло дело уже в третьей инстанции, и касалось оно установления одинаковых цен ставропольскими мукомолами. Эту информацию можно найти на нашем сайте.

А. Гуревич:

– При всем моем уважении к такому органу, как ФАС, я хотел бы заметить: ну какой может быть сговор? Вы представляете себе: 7 тысяч мельниц, у всех происходит повышение цен. А потому что, повторяю, когда растет цена зерна, мука не может дешеветь, она растет прямо пропорционально. В Ставропольском крае одновременно пошли вверх цены на зерно и одновременно, естественно, на мукомольных предприятиях стали повышаться цены на муку. А почему они оказались примерно на одном уровне? Да потому, что конкуренция такова, что если вы продаете муку по 10 руб., а я ее сделаю по 10.50, то у меня ее никто покупать не будет. Мощностей – огромное море. Я человек, в этих делах немножко разбирающийся, я возглавлял экономико-финансовую службу Министерства хлебопродуктов и знаю, как формируются цены, как калькулируются. Ваш Цыганов *(заместитель руководителя Федеральной антимонопольной службы Андрей Цыганов. – **Ред.**)* ко мне обратился, когда началась эпопея с удорожанием гречки, и я ему разъяснил, почему цены растут. Я говорю: «Да очень просто: вы можете себе представить, что, если урожай обычно 600 тыс. т зерна, а в этом году – 120 тыс. т зерна, во сколько раз гречки будет меньше?» А если этого продукта нет и негде купить, что происходит с ценой? Цена растет автоматически. Но ведь в этой ситуации сразу можно было определить сговор всех гречезаводов, тем более их-то, кстати, легко посчитать – их на всю Россию десять штук, и у всех сразу выросли цены. Но надо искать первопричину.



В 2011 году урожай зерновых был 94 млн т, в 2012-м – около 70 млн т в весе после доработки. Цены стали расти. Но во всех зернопроизводящих регионах, где снизился урожай, главы администраций, руководители всех хозяйственных органов говорят: «У нас-то все нормально, в этом году урожай хоть в два раза ниже, но наши крестьяне и с кредитами рассчитаются благодаря росту цен». Крестьяне довольны – цены растут. А у мукомолов и хлебопеков все должно остаться попрежнему, ничего не должно расти. ФАС должна это обязательно учитывать, если не политизировать этот вопрос. Но если, конечно, вам дано задание «Фас!», то это другое дело.

И. Епифанова:
– Я частично согласна с этим. Но частично готова возразить. Сам по себе рост цен – это объективная реальность, рыночные условия. Но мы рассматриваем случаи именно необоснованного роста цен, когда он не соответствует росту затрат. Цены, может, выросли одинаково у всех, но у одного затраты одни, а у другого – совершенно другие.

А. Гуревич:
– А на рентабельность вы смотрите? Чтобы предприятие хоть как-то развивалось, чтоб не сдохло вообще.

И. Епифанова:
– Как человек, обучавшийся еще в советское время, я знаю, что существовали нормативные уровни рентабельности, и вот этим уровням рентабельность и должна соответствовать.

А. Гуревич:
– Не менее 15%, хотя бы чтобы с копыт не свалилось предприятие.

И. Епифанова:
– Ну, это в зависимости от отрасли.

А. Гуревич:
– А вот вы сейчас засудили ставропольских и тульских производителей. Мизерное предприятие засудили, присудили ему миллион штрафа. И оно, естественно, уже закрылось – благодаря вот такой «заботе» государства о потребителях. Так вот, если вы проверяли, то какая рентабельность была у осужденных мукомольных предприятий?

И. Епифанова:
– Я так не могу вам сказать.

А. Гуревич:
– А я могу – там была минусовая рентабельность. Собственных оборотных средств, как у пекарей (за них не буду говорить, я – за мукомолов), на практике ни у кого нет. За все последние годы государство поддерживает мукомолов, субсидирует процентные ставки по кредитам, которые берутся для закупки зерна. И мы государству за это в ножки падаем и говорим: «Спасибо большое!» Но вопрос-то в другом. Все уже заложено-перезаложено. Цена зерна выросла почти в два раза. А где же взять эти дополнительные деньги, чтобы купить зерно? Никто ни одной тонны зерна на мельницу сейчас авансом не поставляет, все требуют оплату вперед.

Мы не нагнетаем обстановку. Но вопрос состоит в том, что многие мельницы сегодня на грани остановки, и не потому, что в России сейчас нет зерна. Уборка только закончилась, а цены растут. Это совершенно непонятная ситуация. Зерна еще много, а цены растут – такого сроду не было. Понятно, что крестьяне хотят хорошую цену за свое зерно, и, наверное, справедливо хотят. Но где мельницам взять деньги, чтобы купить дорогое зерно? В этой ситуации на рынке может накапливаться напряжение, и, вне всяких сомнений, в этом случае должен поступить импульс извне, а именно: торговля должна ускорить расчеты с поставщиками. И тогда все нормализуется. Тогда процентные ставки по кредитам не будут утяжелять себестоимость муки и хлеба, начнутся стабилизационные процессы на рынке хлебопродуктов в целом.

С. Щедрин:
– В общем, это общий конвейер, и мы зависим друг от друга. Изначально крестьянин должен быть заинтересован выращивать хороший урожай, чтобы из хорошего зерна получить хорошую муку и, естественно, хороший, полноценный хлеб, который заменит все лекарства, которые мы сейчас с вами в таком большом количестве потребляем.

А. Гуревич:
– И самое главное – рождаемость сразу увеличится и бездетность будет ликвидирована.

Зерна еще много, а цены растут – такого сроду не было. Понятно, что крестьяне хотят хорошую цену за свое зерно, и, наверное, справедливо хотят. Но где мельницам взять деньги, чтобы купить дорогое зерно? В этой ситуации на рынке может накапливаться напряжение, и, вне всяких сомнений, в этом случае должен поступить импульс извне, а именно: торговля должна ускорить расчеты с поставщиками.

Публикацию подготовил
Антон РАЗУМОВСКИЙ